

Юлия Яковлева

Выбор

Юлия Яковлева

Выбор

«Издательские решения»

Яковлева Ю.

Выбор / Ю. Яковлева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858517-3

Эта повесть расскажет о разных людях: семье, сражающейся с неизлечимой болезнью ребенка; избалованном парне, принесшем много горя чужим и своим близким; о человеке, прошедшем войну и потерявшем семью и молодой паре, запутавшейся в сетях лжи и всепожирающей страсти. Они все сойдутся в одном месте — на Горе мертвецов. Там же, где погибла группа Дятлова. Каждое совершенное нами действие оставляет свои круги на воде...

ISBN 978-5-44-858517-3

© Яковлева Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Вероника	6
Роман	9
Алексей	10
Борис и Кристина	17
Глава II	21
Роман	21
Вероника	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Выбор

Юлия Яковлева

© Юлия Яковлева, 2017

ISBN 978-5-4485-8517-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Вероника

Вероника сидела в полупустом коридоре московского онкоцентра имени Блохина. С самого первого посещения этого страшного приюта последней надежды ее не покидало чувство, что безнадежные, по большей части, пациенты действительно очень похожи на блошек. Маленькие, серенькие, безликие... Из последних сил цепляющиеся за жизнь.

До двенадцати лет, она даже не задумывалась о смерти. Все началось вполне безобидно. Вероника с самого детства была активным ребенком. Уже с первого класса школы она была не только отличницей, но и активной участницей общественной жизни школы. Без нее не обходилось ни одного школьного мероприятия. Соревнования, школьные концерты, кружки – все ее. Родители, педагоги не могли нарадоваться, отмечая и гордясь ее успехами. Мама тревожилась за дочь, предлагала снизить нагрузку, которую Вероника впрочем, не считала таковой. Ей нравился этот ритм жизни. Даже в летнее время ее было невозможно заставить поиграть во дворе или отдохнуть. В девять Вероника увлеклась спортивным ориентированием и походами и, вдруг, начала бредить горами. Мать успокаивала себя, полагая, что рано или поздно Веронике это надоест и она сама отступится, а если нет, ну что ж, может оно и к лучшему. Знания никогда не бывают лишними. И на здоровье это практически не отражалось – за десять лет жизни самым серьезным заболеванием была обычная краснуха и мелкие простуды. Никто не был удивлен, когда однажды, на кружке танцевального, Вероника потеряла сознание. Все было списано на слишком большую нагрузку. Родители все же настояли, и она отдохнула, несколько дней провалявшись дома с книжкой. Это был первый звоночек, но к нему никто не прислушался. И Вероника с новыми силами окунулась во все краски детства и первой, самой яркой в жизни влюбленности. Вероника была счастлива. Была. Она уже и забыла что это такое. Все изменилось не в один день. Но начало этому было положено в ее двенадцатый канун нового года на школьной елке. Вероника помнила, как они вышли на сцену спеть happy new year, как удивилась тому, что все вокруг залито красным светом, по ногам вдруг прошел ледяной ветерок и Ника упала. Она даже не успела понять, что случилось. А дальше были долгие разговоры, наподобие этому, за закрытыми дверьми, бесконечные анализы, каждый раз сменяющие друг друга диагнозы. Больше всего мама Ники боялась услышать – эпилепсия. Все оказалось куда хуже. Когда врачи, наконец, поставили конечный диагноз – Глиобластома головного мозга, и родители и Вероника не сразу поняли значения этого слова. Врач, молодой худой мужчина, под укоряющие взгляды коллеги, не стал церемониться и объяснил все одним словом – Рак. Вероника много раз слышала о больных, сгорающих как свечка, людях и не могла поверить, что ей уготована такая же судьба. И долго не могла понять, принять каждодневных маминых слез, глухого отчаяния в глазах, папиной злости. В школе тоже все стремительно изменилось. Друзья отворачивались от нее один за другим, относясь так будто она уже умерла. А она не хотела этого понимать и принять. Она была жива! Врачи запретили все, что она, когда то так любила. Спорт, танцы – теперь все это осталось в прошлом. Приступы становились все чаще, все сильнее болела голова. От бесконечных уколов, процедур, клиник, сменяемых, одна за одной, легче не становилось. Мама, старательно сдерживая слезы, просила потерпеть ее, не сдаваться. Вероника уже давно проштудировала множество литературы, и может быть в силу своего возраста, намного спокойнее приняла факт что шансов у нее один из тысячи. Она не могла принять лишь одного – то что болезнь отобрала у нее все что она так любила. И часто ревела по ночам так, что бы никто не слышал. Первым сдался отец. После очередного приступа судорог, рвоты он, молча собрал вещи и ушел. Вероника и Вера Петровна остались один на один с болезнью.

Накопленные немногочисленные средства ушли в первые же полгода борьбы. Отец уже перестал считать ее живой и не считал нужным помогать живому трупу. Он однажды так и сказал это матери, прямо при Нике. Он, любимый папа, который когда то носил ее на руках, возил на спине и называл ее его куколкой. И больше всего Вероника боялась не смерти, а то, что уйдет и мама. Но она держалась. Плакала, распродала вещи, что бы купить очередное лекарство и упорно не сдавалась. Через год борьбы им ненадолго удалось победить болезнь. Тогда Вероника не смогла даже улыбнуться. Химеотерапия, с бесконечными уколами лекарств, вместе с выпавшими волосами, словно лишила последних сил. Но поседевшая, в раз постаревшая мать плакала от счастья. Они уже заново начали строить планы на жизнь. Вероника вернулась к домашнему обучению, вновь начиная ощущать краски жизни, которые теперь казались в разы ярче. Все оборвалось через полгода, когда они только-только начали вставать на ноги. Но теперь болезнь действовала стремительнее, враз сбив и Веронику и Веру с ног. И Ника, видя превратившуюся в раз в сторбленную старушку мать, приняла для себя страшное решение. Она больше не хотела этого. Не хотела начинать все сначала, и пока мама искала очередные средства хотя бы на первичные лекарства, а сиделка куда то ушла, впрочем, как и всегда, она попыталась покончить с собой. Уже привыкнув к мыслям о смерти, Вероника долго хладнокровно, так несвойственно для девочки, только вступающей в подростковый период, выбирала способ уйти. Она решила повеситься, что бы маме не пришлось оттирать кровь, но этот способ пришлось отбросить. У нее хватило сил лишь на то что бы сползти с кровати. И пришлось выбрать второй. Вероника не почувствовала ни боли ни страха. И лишь острое отчаяние, пока хирург зашивал порезанные вены, а мама билась в истерике в коридоре.

Следующие полгода оказались еще тяжелее. Найденных денег хватало лишь на поддержание жизни. Вера сходила с ума, оставляя дочь одну, на сиделку денег уже не было. Больше всего она боялась прийти и увидеть что Ники больше нет. Если раньше она могла взять кредит, теперь, из-за просроченных платежей ей везде отказывали. Она унижалась, вымаливая копейки у бывшего мужа, который часто даже не пускал ее на порог квартиры, умоляла людей, заходя в различные организации, обращалась в фонды. Денег было слишком мало. Вероника угасала на глазах, а она ничего не могла сделать. Врачи могли лишь подержать в ней жизнь, и хоть немного ослабить боль. А в один из дней, особенно отчаянных, потому что закончились лекарства и Вера знала, что будут особенно сильные приступы, случилось чудо.

Вера отдала бы все на свете, что бы оказаться на месте Ники. Взять всю ее боль на себя. Эти лицемеры, зовущие себя врачами, давно отправили их умирать домой и Вера практически доходила до грани безумия, когда Ника кричала, захлебываясь болью, на матрасе, оставшемся от проданной кровати в пустой квартире, а соседи долбили в двери и яростно вопрошали когда она уже сдохнет. Она их уже даже не ненавидела. Она привыкла. Невозможно было лишь свыкнуться с мыслью, что твой ребенок умирает, а ты ничего не можешь сделать. Она уже даже нашла людей, готовых купить ее почку.

Вероника никак не могла понять, почему же так долго... Она уже час ждала в коридоре, пока мама о чем то спорила с доктором. В день когда у Ники уже не осталось сил даже на страх, на мысли о смерти, да даже на элементарное – открыть глаза, мама вернулась поздно, но счастливая. Она давно ее такой не видела. А вскоре ее уже везли в клинику и боли (о, чудо!) не стало. Как она узнала позже, кто-то прислал огромную сумму денег, которой бы хватило и на новый курс лечения, и на операцию и на восстановительный период. Какой-то большой меценат, как говорили по телевизору, пожелавший таким образом пропиариться. И Нике и Вере было на это глубоко плевать. Для них это был новый шанс. Но почему же так долго. Для них ведь каждая минута промедления чревата смертью. Она же может наступить в любой момент. Все анализы сданы, снимки сделаны, она даже стала чувствовать себя лучше, практически обходиться без инвалидной коляски, да к в чем же дело? Почему врач выставил ее в коридор? Что он от нее скрывает? Ника пыталась угадать, что происходит в кабинете, заглядывая через смотровое

окно и не могла понять, почему мама плачет, сует ему в руки деньги, а доктор пытается ее успокоить. Ника давно так не пугалась, как тогда, когда столкнувшись глазами с ней, мама оттолкнула доктора и выйдя с мертвенно-бледным лицом, хотела что-то сказать, но сделав пару шагов упала без сознания.

Вера Петровна не сразу смогла принять услышанное.

– Боюсь уже слишком поздно. Вы сами видели снимки. Глиобластома перешла в четвертую фазу. Опухоль дала метастазы. Они уже в легких, в почках. И мы уже не в силах это остановить. Надо было вести сразу, как только начались первые признаки, а теперь уже слишком поздно. За лечение не возьмется ни один врач. Вера Петровна, я понимаю, что с этим тяжело смириться, но постарайтесь это принять. Вероника проживет максимум три месяца. Максимум. Не поймите меня неправильно, я могу посоветовать несколько хороших хосписов, где ей помогут облегчить состояние.... Там обеспечат лекарствами, а эти деньги оставьте, они пригодятся для похорон...

– О чем вы говорите? Какой хоспис? Но ведь есть же улучшения. Она начала есть, приступы стали реже... Вы не правы...

– Вы же знаете что это только благодаря лекарствам...

Вера больше не могла его слушать. В голове бешеным хороводом бились, сталкивались с друг другом мысли, толкающие действовать, а не тратить такие драгоценные минуты на бесполезную болтовню. Сознание не могло принять страшной правды. Все зря. Этого не может быть... Только не ее Вероничка, только не после стольких страданий. Вера снова и снова твердила себе что обязательно что-нибудь придумает... Обязательно. Вера видела, как Вероника со страхом заглядывает в кабинет. Ей вдруг до ужаса захотелось схватить ее и бежать оттуда. От этих ужасных палачей, которые уже не видят что перед ними ребенок, живой ее ребенок. Лишь без конца твердят что она умрет... Умрет. Как она объяснит их слова Нике? Вера не смогла сделать и нескольких шагов. В голове тяжелым молотом зазвенели колокола и мир растаял в пелене.

Роман

Утро снова оказалось недобрим. С раскалывающейся от боли головой, Роман сел в кровати, не помня, откуда среди шелковых простыней появилась обворожительная молоденькая девушка. Хотя, для него подобное было не впервой и в этот раз вызвало лишь раздражение. С трудом поднявшись, он не торопясь подошел к журнальному столику и, трясущимися пальцами, втянул через сто долларовую купюру дорожку кокаина. Порошок обжег носоглотку холодом и разлился по телу приятной эйфорией. Чувствуя новый прилив сил и удовольствия, он вернулся в кровать и начал освобождать из простыней сонную фотомоделю.

Роману повезло родиться в семье богатых и знаменитых родителей. С раннего детства его окружало все самое лучшее. Лучшие гувернантки, лучший лицей, лучшие автомобили и девушки. Родители не чаяли души в будущем наследнике и старались дать ему все самое лучшее. Однако, все было не так гладко, как того хотели родители. Золотой ребенок явно наслаждался и пользовался предоставленной вседозволенностью, не разграничивая на хорошо и плохо. С каждым годом его забавы становились все менее безобидны. И никакие угрозы лишения денег, наказания не имели эффекта. Как выяснилось однажды, в выбранном родителями лицее, хорошие оценки он получал лишь от того, что постоянно угрожал учителям лишением спонсорской помощи, курсы иностранных языков и экономики он, так же, посещал лишь под жестким контролем матери, впрочем, очень скоро он начал срывать и на ней, оскорбляя ее прямо в лицо. Вслед за этим начались проблемы с законом. Отцу постоянно приходилось вытаскивать его из непонятных компаний, которые совсем не соответствовали его статусу, решать вопросы с органами, когда любимый ребенок, на подаренном дорогом авто устраивал гонки по ночным улицам города, или выбрав девушку, во что бы то ни стало, добивался ее. Зачастую против ее воли. Тогда приходилось платить большие деньги за молчание ее родителей и лечение их ребенка.

После окончания лицея сын устроил очередной бунт, не пожелав пойти учиться в выбранную академию финансов и управления. Его яркий протест, выраженный в поступлении в какой-то заурядный филфак, и громком скандале с отцом, вылился в драку, а после в пьяный заезд по городу и жуткую аварию, где погибла молодая мамочка со своим ребенком. Впервые в жизни, отец пошел против воли матери, ее истерик и мольб помочь любимой кровиночке. Собрав волю в кулак, он решил проучить сына, а заодно и оградить от отца семейства сбитой девушки, который буквально дежурил под окнами КПЗ, норовясь устроить самосуд. Нет, конечно, он не собирался оставлять в тюрьме сына. Но для острастки, Роман просидел до самого суда, без какой либо помощи родителей. А на суде, когда уже все было подготовлено и всем закрыли рты, выяснилось, что виноватым в аварии оказалась сама мамаша, переходившая дорогу в неполюженном месте. Он сам даже практически поверил в это. Однако мера возымела эффект. Роман словно понял, что натворил и все его бесконечные недетские игры закончились. А вскоре он забрал документы с филфака и отбыл на учебу в Англию.

По его возвращении выяснилось, что все вовсе не так радужно, как хотелось бы родителям. Вернувшись, он занял место заместителя отца в их холдинге, впрочем, толку от этого было мало. Он прекратил свои опасные игры с законом и человечески судьбами, теперь играл меньше, но его по-прежнему мало интересовали финансы и благосостояние семьи. Теперь все уходило на алкоголь и наркотики.

Алексей

– До конца! – раз за разом бешено кричал потемневший от копоти комбат. Все вокруг горело, и легкие разрывал дым. Кричали все, комбат, солдаты, только начавшие держать автомат, кричали чехи. Крики боли, злости, отчаяния. Вот еще один из их роты, совсем зеленый пацан, бросив заклинивший автомат, бросился прочь. Прямо под пули чехов. Крик оборвался практически сразу, голову разнесло несколькими пулями. Продержаться. Скоро придет помощь. Должна прийти, впрочем, в это мало кто верил. Совсем рядом громыхнул взрыв, убив еще троих осколками. Леха упал, сбитый волной боли чуть ниже колена. Нет, нельзя сдаваться. Сжав зубы, он передернул затвор и снова принялся бить по духам. Прогремел взрыв и последняя прикрывавшая бойца стена осыпалась, похоронив под собой еще двоих. Теперь их осталось трое: он, комбат и раненый мальчишка. Все делали ставки, что этот рыжий сорванец, только закончивший школу первым и поляжет, казался уж больно хилым и слабым. На практике же, первыми полегли сильные и смелые. А сорванец совсем не по-детски орал матом и удивительно метко метал гранаты. Сейчас он тихо скулил перетягивая простреленные ноги. Идти он точно не мог. Затянув ремнем ногу Леха в надежде посмотрел на комбата и батя все понял, прокричав сквозь грохот войны, что надо рвать когти. Не сговариваясь, они подхватили Рыжего под руки, батя выглянул из проема, определил, как и куда бежать, на пути следования как раз постоянно поднимались фонтанчики от пуль. Эх... добежать бы.

Рывком бросились на улицу, уже по ходу, пришлось оставить Рыжего за горой из крошева бетонных стен, слишком уж сильно обложили огнем. Дали ему калаш и рассредоточились, батя в одну сторону Леха в другую, что б своим помочь, прикрыть подход. Заскочив в бетонный проем, он тут же споткнулся и вовремя упал, пули просвистели над головой. Пригнув голову повернулся, рядом на спине лежал их готовый сослуживец, череп оказался раскрыт, пуля вошла в левый глаз, моментальная смерть. Еще из двоих двухсотых узнал майора, который еще недавно кричал о приближающихся двух «коробочках», которые бы обязательно прикрыли огнем, а там и танки, помогут им уйти. Так и замер со своей бешеной белозубой улыбкой. Боялись его за это. Вдруг перестали свистеть пули над головой, где то утробно заурчал танк и зазвенели траки. Чичи отходили, подгоняемые броней. Были попытки огрызаться мухами, но танк разносил их в клочья. Леха заорал от счастья, понимая, что теперь выйдут и тут же оборвался. В брешь в стене он четко увидел опирающегося на ствол Рыжего. Тот радостно махал рукой и что-то орал, а прямо на него неслись несколько чехов. Леха успел увидеть, как Батя тоже высунулся из укрытия и, размахивая руками, кидал в рыжего камни и орал. И Леха заорал, не понимая, что среди этого грохота никто его не слышит. Через мгновение один из чичей вспорол Рыжему живот и бросился бежать дальше. Сорванец упал на колени, плюясь кровью, а прямо на него теперь уже ехали наши. Ромка замер, смотря как танк гусеницами давит мальчишку. А потом на негнущихся ногах подошел к горке бетона. Рыжему был конец. Его крючило в посмертных судорогах, отделенные в поясе ноги словно пытаются согреться, терлись носками кирзачей друг об друга. Пальцы на руках еще скребли грязь, а голова... Шляпка слетела с головы и рыжий ежик теперь покрывали брызги бурой крови, а губы медленно, как у младенца превращались в какой-то оскал, словно он все еще пытался кричать. Кто-то хлопнул Леху по плечу, и он заорал как никогда в своей жизни.

Он еще долго сидел в кровати, сжав побелевшие от напряжения пальцы в замок и сдерживая бьющую все тело дрожь.

Ира... – тихо позвал Леха и осекся. Иры больше нет. Уже почти шесть лет. И Иры и их доченьки. Анечка прожила всего полгода.

После боя в Грозном он попал в госпиталь, а потом снова в бой, к своим. Там он чувствовал себя живым, а стоило вернуться на гражданку и начиналось существование. Дома поначалу

летал в облаках, не понимал окружающий мир. Не отпускало. По ночам – снова Чечня, бои и Рыжий. Это было как мания.

Он продолжил службу, а между командировками старался помогать матери и по максимуму занять себя, что бы засыпать и не видеть снов. На гражданке ему не нравилось. Никакой дисциплины, грязь, наркотики. ВСЕ БЫЛО НЕ ТАК. Не за это он воевал. Не за это погибали пацаны. Злость закипала каждый раз при виде несправедливости, творящейся в мирной жизни, хотелось разнести все к чертям. Как чехов. Непонимание перерастало в злость, он уже и не помнил сколько раз срывался на драку, но старался сдерживаться. Ради матери. Там на войне, поначалу он был восторге, переполнял азарт, до первого же ночного боя, а по утру, глядя на мертвых сослуживцев, понял, что его никто там не ждет. А дома ждут. Мать. Она ждала. И он держался ради нее. Кто бы ее защитил кроме него? А потом мать умерла. На работе от сердечного приступа. И он ушел в запой. По черной. Спирт осетинский, цыганская черняжка не понятно как, с кем, где и когда. Именно тогда он, можно сказать, и увидел впервые Иру. Вернее она его. Он как всегда приполз после отбоя из своей части в квартиру, но дверь открыть уже не смог и уснул. А проснулся от того, что его трясла какая-то девчужка. Меньше его раза в два, хрупкая, тоненькая как веточка она трясла его, пьяного здоровенного детину и ругала на чем свет стоит. Он не сразу понял что ей нужно, но все-таки, разлепив глаза, понял что спит вовсе не у своей двери, а в нескольких метрах от нее. Ему тогда стало до безумия стыдно, но собраться воедино он все еще не мог и лишь пьяно пробормотав что-то, отполз к своей двери и, натянув на лицо воротник бушлата, что бы не видела хотя бы лицо, снова уснул. Но девочка вдруг не стала отступаться и все продолжала что-то требовать. Стыд перешел в злость, он огрызнулся, даже попытался встать и в итоге снова упал. Он снова уснул. Девочка все ворчала, что-то требовала, но алкогольный сон уже не отпускал. Он хотел проснуться, когда почувствовал, как кто-то лазит по карманам, но не смог. А утром проснулся в своей прихожей со старыми прокуренными обоями и так и не смог вспомнить, как все-таки открыл дверь. Вспомнил девочку, с брезгливо перекошенным милым личиком тормозающую его, и стыд снова накрыл с головой. Вот тогда он и понял что докатился. Совсем. Первым желанием было да, напиться. Тогда он еще сдержался. И тогда же впервые понял, что еще жив. Все пытался понять, где видел эту девочку, и вообще, откуда она взялась. Прислушался к утренней тишине. Тихо. Напившись воды из крана, подошел к окну. Как давно он не смотрел на город. Он приоткрыл форточку и задохнулся морозным воздухом. Градусник за окном показывал минус сорок.. Холод облизал голову и более менее привел в чувства. Когда уже допивал замызганный графин с водой, за стеной у кого-то начал звонить будильник. Лежа невольно вслушался. Вот протопали быстрые легкие шажки и следом чуть тяжелее. Соседи проснулись. И Ромке пора было собираться на службу. Дом просыпался, оживал, кто-то готовил завтрак, судя по запаху яичницу, где-то работал телевизор, разговаривали люди, кто-то ругался, кто-то смеялся. Только у Ромки было тихо. А он сидел и слушал звуки чужой жизни пока стрелки на часах не отмерили половину восьмого. Пора в часть. Он быстро накинул бушлат, нацепил шапку и вышел в подъезд. И у соседней двери увидел ту самую девочку-веточку, она закрывала дверь. Увидев его, она бросила снисходительно-надменный взгляд, а Алексей, снова сгорая от стыда, натянул воротник и бросился бежать в часть. Эта девочка что-то изменила в нем, заставила понять, что он катится в никуда.

На пьяную голову он уже не замечал, как над ним откровенно потешается даже зелень. Новобранцы, и те, его уже ни во что не ставили. Батя, который когда то помогал ему держаться на плаву, не давал спиться, вставляя жесткие зуботычины, остался служить на Кавказе, с остальными встречался редко, у части были свои семьи и цели, у другой, у тех, которых он когда то сам считал слабаками и никчемными людьми, не осталось ничего кроме бухла и ночлежек на случайных хатах. И если совсем недавно он еще считал себя зависшим где-то между, то в то утро, сидя в столовой и грея руки о стакан с мутноватым крепким чаем понял, что

опустился на самое дно и теперь либо остаться и сдохнуть, либо выплывать. Его уже даже не направляли в командировки, которые так спасали, попросту не беря в расчет. И командир части держал наверно лишь из жалости. Так противно от себя самого ему еще никогда не было.

За неделю ломки и борьбы с бешеным желанием напиться, злости, он сумел поставить на место в открытую насмехающихся над ним новобранцев. Долго проветривал квартиру, стирал засаленную форму, одежду, чистился, мылся и потом долго довольно улыбался. Теперь это было больше похоже на его родной дом. Почти так же, как когда мамка была еще жива. И теперь каждый вечер он невольно прислушивался к звукам, идущим из-за стены и что-то внутри радостно замирало, когда слышал этот звонкий голосок девочки-веточки. Тогда он чувствовал себя таким живым. Часто слушал как к ней приходили ее одногруппницы и они вместе готовились к семинарам, или разбирали лабораторные работы. И он смеялся над собой, над тем, что запал на девчонку и не решался даже сказать «привет». Стоило ее увидеть, как сердце ухало в пятки и, он буквально убежал. Однажды, случайно, они практически одновременно подошли к подъезду, она вдруг поскользнулась и, сломав каблук, упала. И он должен был ей помочь, должен, но снова так глупо растерявшись, превратившись в тупого мальчишку, просто перешагнул и взбежал на их пятый этаж, спрятавшись за дверь с ухающим сердцем. Наверно у нее случилось что-то еще, она громко плакала среди тишины, а он царапал кулаками стену, от желания броситься к ней, и злясь на себя из-за своей тупости и слабости. И он все же решился и на следующий день купил ей огромный букет белых хризантем. И даже тут не решился подарить, а оставил букет возле дери, а потом следил в глазок как она удивленно оглядывалась, как на пухленьких губках появилась улыбка, а на раскрасневшихся от мороза щечках вспыхнул яркий румянец. Она радостно схватила букет и скрылась за дверь, и он тоже невольно заулыбался, а через час к ней кто-то постучался. В глазок он увидел какого-то нелепого студентика, нерешительно переминающегося с ноги на ногу. Она выпорхнула и, с веселым щебетом, затащила паренька в квартиру, благодаря за цветы. За его цветы. И Леха не выдержал, выскочил в подъезд и забарабанил в ее дверь, лишь бы прервать это их уединение. Девочка выпорхнула в одном халатике и, когда столкнулись с ней глазами, он снова оторопел и нерешительно попросил занять соли. Девочка удивленно подняла бровки и, нахмурившись, скрылась за дверь. Он даже не поверил что вернется и снова стыдясь себя, скрылся за дверь а через мгновение, в дверь постучали. На пороге стояла она, кутаясь в тоненький халатик в промерзшем подъезде и непонимающе хлопая большими глазами.

– А соль? – он что-то промямлил и взял кружку, коснувшись ее пальчиков, а она уже спешила скрыться в квартире, бросив напоследок испуганный взгляд и прозвенев запираемым замком. Вскоре за стеной заиграла музыка и Леха боялся даже представить чем они там занимаются. И ушел студентик только утром, вместе с ней.

А потом и вовсе все поменялось. Он уехал в очередную командировку, Чечню. Начались привычные будни, боевые дежурства и редкие зачистки. Поначалу его редко брали, видимо опасаясь очередного срыва в запой. Но эта девочка... Теперь у него будто появилась цель. И он держался. Теперь он хотел, что бы она гордилась им. Его даже на время оставили ночные кошмары, а снилась только она. И он искренне верил, что по возвращении обязательно ее добьется.

Через полгода, возвращаясь из командировки, он широко улыбался, сжимая в руке букет белых роз. Он был уверен, что именно теперь он готов, он справится, и будет добиваться ее столько, сколько понадобится. Улыбка стала еще шире, когда увидел возле их подъезда кортеж свадебных машин, он представил, как совсем скоро позовет своих боевых товарищей на их с девочкой свадьбу и шагнул в подъезд. И с каждым этажом улыбка блекла. Да, свадьба была на их пятом этаже. У этой самой девочки. Уже на четвертом они встретились. Она, в красивом невесом платье радостно смеясь, спускалась в окружении подруг. Веселый гомон разливался на весь подъезд и буквально оглушил Леху. Он даже успел подумать что она его не заме-

тила, но когда в закипающей ярости, вычеркнувшей всю его нерешительность окрикнул их, она замерла со все той же сбивающей улыбкой, а он сунул ей букет, и неожиданно для себя самого пожелал ей счастья. Девочка удивленно посмотрела на цветы и беззаботно чмокнув его щеку, выпорхнула на встречу семейной жизни.

Он держался, старательно пытаясь убедить себя, что быть холостяком не так уж и плохо. Хотя один вечер стал похож на другой. Иногда выпивал и проводил вечер с какой-нибудь мало-знакомой девицей. После очередной командировки, уже как по сценарию, он снова встретил у подъезда девочку-веточку. Руки были заняты пакетами с продуктами и она никак не могла открыть дверь. Она все еще была для него желанной чистой и такой недостижимой... Теперь она была чужой женой и это охлаждало голову. Он придержал дверь, даже поздоровался и помог донести пакеты. Как же он завидовал ее мужу. И не понимал его. Довольно часто из-за их стены доносилась приглушенная ругань.

Как-то раз, поздно вечером, когда он возвращался с какой-то очередной пьяной девицей, увидел ее на ступеньках. Она сидела и плакала навзрыд, а при виде их начала стыдливо растирать слезы ладонками и поспешила скрыться в квартире. На следующий день он выцепил ее мужа и долго, с пристрастием объяснял ему, как нужно вести себя с женой. Юнец испугался и в их семье наступил мир. Знала бы она, сколько боли ему это стоило.

В один из вечеров он нашел ее страницу в соцсети и, с бьющимся в горле сердцем, предложил дружить. И она приняла предложение. Как же он был счастлив. Они разговаривали практически обо всем. Как-то незаметно они сдружились так, что она стала считать его лучшим другом. А он, прячась под чужой фотографией, не решался признаться, кто он на самом деле. Она часто жаловалась на мужа, вернее на то что вышла замуж за мальчика, а не за мужчину, а он, скрипя зубами советовал как лучше найти к нему подход. Они часами говорили практически обо всем, затрагивая даже самые интимные темы. И она с искренним интересом слушала о его службе, командировках. А однажды поставила ультиматум либо он присылает свое фото, либо общения больше не будет. Она хотела видеть его настоящего, и он решился, попросив выйти ее в подъезд. Она тогда ничего не поняла, но он настоял. Когда он вышел, она курила, сидя на ступеньках и писала ему очередное сообщение полное непонимания. Он сел рядом и игнорируя то, как она опасливо отодвинулась от него подальше, улыбнувшись, протянул ей руку:

– Алексей – она натянуто улыбнулась и бросив в ответ «Ира», так и не подав руки в ответ, снова уткнулась в телефон, прося объяснить что происходит и зачем он просил выйти ее в подъезд. Она еще не поняла что это он. Даже когда его телефон пикнул, сообщив о сообщении. Ему тогда вдруг стало так смешно и, скрывая улыбку, тоже закурив, он написал ответ: «Ты хотела видеть меня настоящим. А у тебя милая футболочка. Бабочки такие красивые» и добавив смайл отправил сообщение, глядя на ее реакцию. Секунду она хмурила брови, сжимая телефон, и вдруг вспыхнув щеками, подняла на него нерешительный взгляд:

– Вы?.. Ты?! – он кивнул, все так же улыбаясь абсурдности ситуации и безумно боясь, что теперь она испугается или вспомнит, как он валялся пьяный под ее дверью. Она хотела, что-то сказать, но оборвалась на полуслове. Казалось целую вечность они смотрели друг другу в глаза, он в них просто тонул как вдруг она, видимо все еще не веря выхватила у него телефон. Пролистав их переписку, она снова посмотрела на него с игривыми огоньками в глазах, залилась стыдливым румянцем и, вдруг закрыв лицо руками, засмеялась, а у него с плеч словно сбросили тяжелейший груз. Он так боялся, что она больше не станет его слушать и попросту исчезнет, но этого не произошло. Еще полночи они, забыв обо всем, просидели на ступеньках разговаривая буквально обо всем. А в третьем часу ночи, вышел ее муж, о котором казалось, забыла даже она, и, опасливо скосив взгляд на Леху, позвал ее домой. И она, по-дружески пожав ему руку, упорхнула, словно забыв как жаловалась на него, вернее на то, что они будто чужие люди. А уже на рассвете она прислала новое сообщение с просьбой не говорить о том,

что она рассказывала о муже. Конечно, он бы не сказал. Он сходил от нее с ума, а она видела в нем лишь друга. Сходил с ума от ревности, когда слышал, как ее любит муж. И если сначала он еще надеялся, что она выберет его, со временем надежда умерла. Они так же много общались, он встречал ее вечерами, и старался как можно дольше продлить их общение, стоя у двери, но она уходила к мужу. И он даже смирился и попробовал смотреть на нее не как на женщину. Однажды привел домой медсестру из их части, которая уж слишком настойчиво оказывала знаки внимания. Думал, может так будет легче смириться с мыслью, что Ирка так и останется другом. Несколько дней они не общались, Леха не выходил в сеть, а в его прокуренной квартире начало пахнуть пирожками и борщом. Он не ожидал, но Ира не выдержала первой. Как когда то и он. Когда он в очередной раз стараясь забыть о девочке-веточке, вминал в диван медсестру, в дверь настойчиво начали стучать, когда он накинув штаны открыл дверь, Ира стояла с тарелкой пирожков.

– А я вот хотела угостить... Ты куда то пропал – нерешительно сказала она, заглядывая ему за плечо. Она вдруг изменилась в лице, ему даже показалось что она вот-вот заплачет. Он хотел ответить, но она сунула ему тарелку, и быстро скрылось за дверью, а за спиной обнаружилась голая медсестра. Она чему-то рассмеялась и утащила его на диван. А ему еще долго было стыдно даже написать Ире. Стыдно за эту грубую пошлую медсестру, больше похожую на развязного мужика, так не похожую на нее. Он вообще считал, что кроме гарнизонных девок ему уже ничего не светит. Однажды, когда он был в части, Ира позвонила сама. Она плакала и просила помочь ей, спутано объясняя, что муж уехал, а она не может открыть дверь. И, рискуя попасть под трибунал, он бросил все и кинулся ей на помощь. Она сидела под дверью и тихо плакала, дуя на замерзшие ладошки. Он быстро справился с заевшим замком и долго грел ей ладошки в своих руках, не сразу поняв что они испачканы в солярке. Этого не заметила и она тихо плача у него на плече и рассказывая что поругалась с мужем, а потом вдруг подняла заплаканное лицо и долго смотрела ему глаза расспрашивая о медсестре. А он рассказывал, все как есть. Он даже не понял в какой момент вдруг рассказал что любит ее, а эта медсестра... это так... Это неважно. И вдруг она закрыла рот ему ладошкой, а в следующее мгновение поцеловала. Осторожно, неуверенно и он уже не смог остановиться... Она несколько раз пыталась его остановить, шепча: «Нельзя... Муж» и своей правильностью распалила еще больше, а вскоре и вовсе сама притянула к себе, осыпая ласками и поцелуями. Они еще долго лежали на полу, не силах оторваться друг от друга. Она гладила хрупкими тонкими пальчиками его по лицу, словно стараясь запомнить каждый его шрам, каждый изгиб и тихо шептала о любви, а он задыхался от счастья, удовольствия и страха. Ему даже на мгновение стало страшно, что он одним только своим весом и ростом мог причинить боль... Он, по сравнению с ней, казался огромным медведем. И ему не верилось, что все случилось и когда-нибудь повторится снова. Не верилось, что она шепчет о любви. Что она правда может его любить.

Утром он словно на крыльях летел в часть, а вечером, купив огромный букет роз, не мог понять почему она так долго не открывает дверь. И долго не мог поверить когда она все-таки открыв, пряча глаза, попросила его больше не приходить, а из глубины квартиры ее звал муж. Он еще долго бил букетом по двери, осыпая все вокруг белыми лепестками, а потом выл в квартире от непонимания и нежелания верить что выбрала мужа. Еще неделю он пил, читая ее ежедневные сообщения с просьбой простить и понять, просьбами вернуться к их прежней дружбе и общению.

И он сходил с ума не понимая, почему она не бросит, если говорила что любит его. Он свел их общение к минимуму, он не хотел ее ни с кем делить, а она не хотела бросать мужа даже толком не объясняя почему. А вскоре замолчала и она.

В одну из ночей, после длительной командировки, когда он с сослуживцами устроил шумный сабантуй, в дверь настойчиво начали стучать и звонить. И, когда он распахнул дверь, что бы дать решительный отпор соседям на пороге стояла Ирка и бабуля, жившая этажом

ниже. И они замерли, смотря друг другу в глаза под недовольный ропот бабули, а в следующее мгновение она бросилась к нему, повиснув на шее. Бабуля заохала, твердя что-то про бесстыдство, про мужа, а он уже нес Ирку на руках к себе домой. Он даже не понял когда ушли сослуживцы. Остались лишь он и плачущая Ирка. Она рыдала и, прижимаясь к нему, просила больше никуда не уезжать и обещала бросить мужа. Она больше никуда и не ушла. Они будто боготворили друг друга. Ирка развелась, но даже тут возникли проблемы. Вскоре у них появились ее родители, которые были от него не в восторге и требовали, что бы Ира оставила эту блажь и вернулась к мужу. Змеями шипели подруги твердя, что Леха грубый салдафон, который ничего не сможет ей дать, наиграется, бросит, а она останется ни с чем. Ирка пошла против всех. Леха добился перевода, и они переехали в другой город, где сыграли свадьбу. И все стало казаться таким простым, легким. У них появились общие друзья, знакомые. Ирка легко справилась с ролью офицерской жены, терпеливо перенося все тяготы. Даже друзья удивлялись как они могут обходиться без ссор и скандалов. А еще через год у них родилась дочка. Его точная копия. Подходящий день настал по всем срокам, в первые январские дни. Роды застали Иру в гостях у их общих друзей, напугав всех, но родила сама, без лекарств, получив от акушера ярлык «достойной мамы».

Леха, ставший счастливым папашкой, всё время родов стоял перед родильным домом, вдыхая морозный воздух. Он долго пританцовывал от нетерпения на месте в ожидании известия. Сжимая замерзший букет роз и пакет, полный фруктов. Ни то ни другое техничка передавать не спешила, строго наказав приходить утром и никак не раньше. Время было позднее, за полночь. Но вытерпеть до утра казалось невыполнимой задачей. Он до затекания шеи всматривался в заветное окно, не решаясь, побеспокоить, помешать звонком. Иру и тот комочек счастья, что она подарила ему в эту ночь. Потому можно было лишь молча бродить под окном и вздыхать. Сейчас покажет в окно. Вот уже сейчас.

За стёклом мелькнул заветный силуэт. Сердце ударило в грудь, защемило и застучало быстро-быстро. Уже перед рассветом, когда люди начали спешить на работу, в светлом окне, показался такой родной силуэт Иришки с драгоценным свертком. В тусклом предрассветном свете мало что можно было разглядеть, но Леха ощутил, что в районе солнечного сплетения образовалось маленькое персональное солнце и по телу пошла приятная волна. На лицо напозла глупая, добродушная улыбка.

– Я люблю тебя!!! – Неожиданно закричал он очень громко, поспешно прикрывая рот рукавом.

Она грозно погрозила пальчиком и скрылась глубине палаты прижимая к груди сверток. Тогда Леха впервые понял, что значит плакать от счастья.

Однажды, когда он поздно вернулся с учений, подходя к дому, был очень удивлен. На телефоне высветилась куча сообщений о пропущенных звонках с незнакомых номеров, командира части, но не обратил на них внимания, спеша вернуться домой. Удивило не только это. Окна в их квартире оказались темны, хотя обычно Ира ждала его возвращения, даже если приходилось ждать до утра. Открывая дверь с поднимающимся чувством тревоги, он думал, что возможно, они устали и уже легли спать, но дома их не оказалось. Квартира встретила его тишиной и такой непривычной пустотой. Включив телефон он снова и снова пробовал набрать ее номер, но абонент был не в сети, что в принципе было ей не свойственно и голос оператора о ее недоступности выводил из себя. Он не мог понять что произошло, где его близкие люди, где привычная суета вокруг крохи? Пытался присесть и успокоиться. Больше минуты сидеть не получалось. Подскакивал и быстро-быстро ходил по коридору, бессмысленно нарезая круги из комнат на кухню и обратно. Просто не мог остановиться.

В голове роился миллион мыслей. Все такие нелепые, примитивные. Обиделась, что мало уделил внимания? Нет, знает же, что занят. Не могла обидеться. Есть обиды обоснованные, а есть вымышленные, из категории: сама придумала – сама обиделась. А Иришка она не такая.

Она не маленькая девочка, чтобы так чудить. А что ещё думать? Любовник? Вот уж точно бред. Мило общаться утром и уйти вечером, забрав ребёнка? Все вещи же на месте, только коляски нет.

Пытался успокоиться и подумать трезво, но покой не приходил. Леха даже подумал обзвонить полицию, больницы, морги, но подумал: «Какие к чёрту морги? Они просто задержалась с дочкой где-то. Просто вляпались в нелепую историю. Пустяк какой-нибудь, над которым вскоре все вместе посмеются. Даже Ира улыбнется. Ничего больше произойти не может. Всё будет хорошо. Иначе и быть не может». И друг его прожгла догадка. Она ведь недавно очень сдружилась с женой его сослуживца, вот наверно у нее и задержались. Подумаешь, это же в соседнем дворе. Уже облегченно улыбаясь, он набрал номер подруги. Катя ответила практически сразу и, проигнорировав все вопросы, попросила не волноваться, сказав, что они сейчас придут и все объяснят.

Вскоре в прихожей раздались торопливые шаги и спорившие голоса сослуживца и его жены. Когда они начали говорить ежик волос на голове встал дыбом, передавая озноб в позвоночник. Прошлый мир начал рассыпаться на глазах. Едва сумев дослушать, сполз на пол и долго не мог ни подняться, ни просто пошевелить рукой или ногой. Силы покинули его. Силы жить и дышать. Несмотря на то, что грудная клетка продолжала впихивать в себя воздух, заставляя жить, существовать продолжала только его человеческая оболочка и какая-то надежда, что это просто глупая шутка. Взгляд зацепился за их семейное фото, с выписки из роддома. Алексей перестал понимать замечать, что было вокруг.

В голове все так же глухо бились слова:

– Лех... Мы пытались сообщить... Ирка... Анечка... Их машина сбила...

Уже через час Леха был в больнице. И стоя в морге перед полуприкрытым простыней, изувеченным телом Иры, он не мог поверить что это все реально. Анечка, их дочка, прожила на три часа дольше и не дождалась его буквально пятнадцати минут.

Лишь позже он узнал что их сбил джип какого то богатого обдолбаного сына, когда они как обычно вышли погулять перед сном. Леха почти не помнил, как хоронил Ирку и Анечку. Он до последнего держал их за руку, за тоненькие маленькие пальчики Анютки, он просто не мог поверить, что их больше нет.

Днем всячески пытался добраться до этого ублюдка, желая вцепиться в горло малолетней твари, порвать его на части, а по ночам выл в ставшей пустой квартире. Казалось, он еще даже слышит их голоса, смех Иры, плач Анечки, ее агуканье...

На суде эту мразь признали невиновным, а за устроенную в зале суда драку, где Леха почти добрался до этого богатенького гаденыша, его отправили в КПЗ, а позже приговорили к условному сроку. Уже выйдя, он узнал, что родители успели спрятать отпрыска за границей. Леха перестал жить. Осталась лишь его оболочка. Сначала он жил лишь благодаря желанию отомстить, а что бы окончательно не сойти с ума пил. Очень быстро с него сняли звания. Он не заметил, как исчезли друзья, знакомые. Лишь иногда заходил тот самый сослуживец, сообщивший о смерти Иришки и Анечки. Он устроил его охранником в ночь, где Леха охранял склады.

– Ира... – снова прошептал Леха и, глотнув из горла водки, начал натягивать форму Чоповца.

Борис и Кристина

Кристина курила между этажей, смотря как за мутноватым стеклом окна падают первые апрельские капли и, глубоко задумавшись, вздрогнула, когда сзади крепко обняли. Кристина оттолкнула Бориса и, оглядевшись, поправила халат и форму.

– Помнешь, а у меня через час операция и вдруг кто увидит... – Борис закатил глаза, его раздражали ее страх быть пойманной на месте преступления. Их роман вспыхнул три года назад, а они до сих пор прятались по углам как дети. Но на то были свои причины. Она была замужем за главврачом больницы, да и он был женат. И у обоих росли дети. Кристина аккуратно поцеловала в щеку, стараясь не смотреть в глаза, и затушив сигарету, поспешила в отделение. Борис достал пачку сигарет и, закурив, крепко затянулся.

Снег не растаял, но весна уже грела лучами. Их роман начался банально, как в дешевом мыле. Их вместе отправили на симпозиум, в то время в голове не было даже мыслей о каких то романах, но после пары бокалов шампанского и прогулки по осенней Москве они разговорились, впервые не о работе. О том, кто что любит, что смотрит, что читает. Неожиданно выяснилось, что у них масса общих интересов. И смотря ей в глаза, таких контрастно зеленых на фоне рыжей осени, он вдруг увидел в ней не просто коллегу, с которой они без конца спорили в отделении, не ту, которую за спиной обсуждали за брак с пожилым главой больницы и называли карьеристкой, нет... Он увидел в ней женщину. Красивую яркую женщину. Весь вечер он стыдливо гнал от себя эти мысли, стараясь думать о жене и сыне. Кристина вообще не хотела ехать, дочка болела и болезненно воспринимала даже разговоры о поездке. Но муж настоял, и отправили все-таки ее. Муж требовал, что бы она соответствовала его статусу. Заведующий отделением сразу заметил ее среди другого персонала больницы, так же как и она его. И ее не смущала разница в возрасте почти на двадцать лет, она до одури влюбилась в его большие льдистые голубые глаза, в его талант хирурга и управленца. Тем более он оказался не таким, уж черствым сухарем, как говорили у него за спиной. Он красиво ухаживал, был холоден на эмоции, но она считала это издержками возраста и жизненного опыта. За ней бегало много мужчин коллег, но она не замечала никого кроме мужа. Забеременев, долго не решалась сказать, боясь что, будучи жестким, он отправит на аборт, а она хотела этого малыша, но когда все-таки рассказала, он был на седьмом небе от счастья и все девять месяцев сиял, буквально помолодев. Когда родилась дочка, впервые взяв ее на руки, он плакал от счастья. В то время как ее подруги мечтали о страстях, она радовалась, что у них все спокойно, что никто не устраивает сцен ревности. Дома было хорошо тихо спокойно и уютно. А все вокруг говорили, что она стала такой же, как престарелый муж. Тем более что он продолжал баловать ее и периодически устраивал сюрпризы. На трехлетие дочки они отправились в Париж, дочка вволю наигралась в Диснейленде, весело бегала вокруг родителей пока они целовались стоя под Эйфелевой башней. Как и во всех семьях, постепенно романтика начала уступать место быту. Дочка пошла в садик, а она вернулась на работу. Муж к тому времени перестал оперировать и занимался исключительно административными делами больницы. А потом Кристина начала ловить себя на мысли что муж обращает внимание только на дочку. Ее попытки приласкать его все чаще заканчивались холодом с его стороны, все чаще он просто отворачивался и засыпал. Но Кристина продолжала его любить, уже хотя бы за то, что он подарил ей их маленькое чудо – доченьку, которая росла точной копией папы. А та осень чуть не перевернула все ног на голову. Симпозиум растянулся на три дня. Еще в первый день она боялась что молодой хирург – онколог, с которым ее и отправили, так же как и остальные коллеги, непременно пустит колкость по поводу неравного брака, но этого не произошло. И в вечер первого дня она не отказалась прогуляться по вечерней Москве. Выпитый бокал шампанского приятно расслабил и все еще грызущие опасения окончательно отступили. Она вдруг снова почувствовала себя молодой,

замечающей красоту города и думающей не только об операциях и семье. Впервые за пять лет ее спросили о том, что она любит из музыки, какие смотрит фильмы и читает книги. Она никогда не обсуждала это с мужем полностью разделив его интересы и забыв о своих. А Борис оказался на удивление интересным собеседником, даже вернувшись в гостиницу они продолжили разговор у нее в номере. Перед этим он завел ее в чайную лавку, где они долго выбирали чай. Борис показывал и рассказывал ей о сортах, а она вдыхала аромат сушеных листиков и не могла поверить что в мире так много запахов и вкусов. Она уже давно ни с кем не разговаривала так долго и так откровенно. Под звуки легкого льющегося джаза запаха шоколада смешанного с нотками аромата китайского чая они словно растворились, обсуждая практически все. Ей нравилось, что он не делает даже намек на флирт, как это старались сделать пожилые влиятельные знакомые мужа, нравилось, как рассказывал о сыне. Уже под утро, когда они смотрели на ноутбуке фильм и обсуждали героев, она случайно коснулась его руки чуть ниже края рукава футболки и почувствовав кончиками пальцев такую теплую кожу, перекачивающие мышцы когда он смеется, она вдруг поймала себя на мысли о том, как давно у нее не было мужчины. Она уже даже не могла вспомнить, когда муж последний раз целовал ее в губы, и со стыдом поняла что ей так не хватает мужчины. А когда Борис аккуратно подтолкнул ее локтем, пытаясь вырвать из мыслей, ей вдруг так захотелось ощутить его ближе, почувствовать запах и ощутить его в себе. И, встряхнув головой, отгоняя такие нелепые мысли, она как можно мягче попросила его уйти, намекнув что уже слишком поздно. Он подумал, что чем то обидел, даже попытался извиниться, если сделал что-то не так, но когда столкнулись глазами, вдруг будто что-то понял и, вспыхнув как и она щеками, поспешил уйти в свой номер. Но ни Борис, ни Кристина так и не смогли уснуть. Сгорая от стыда, уже через полчаса она стояла перед его дверью сгорая от желания, которое казалось уже никогда не почувствует. Она даже не успела постучать. Дверь открылась и на нее буквально вылетел Борис. Всю оставшуюся ночь они провели вместе, она буквально таяла от его рук и движений и захлебываясь от удовольствия и уже не могла остановиться, а Борис еще никогда не чувствовал себя таким желанным, покрываясь от удовольствия мурашками. На утро и Борис и Кристина сгорали от стыда, не решаясь посмотреть друг другу в глаза и оба не могли подобрать слов.

Еще неделю после симпозиума и той ночи они буквально дошли до невроза. Кристина сгорала от стыда перед мужем и дочкой и безумно боялась, что о случайной связи узнает муж, а Борис больше всего боялся лишиться сына и как-то выдать своим поведением случившееся. Осень незаметно перешла в зиму и буря в стакане, которая казалась навсегда отпечаталась в памяти, начала блекнуть среди будничной суеты, пациентов и операций. Но что то внутри них все же изменилось. Борис все чаще ловил себя на мысли что засыпая, теперь думал не о жене, не о сыне, а о Кристине и обманывая ее, себя притягивал жену и всю ночь.... Не любя.. Пытаясь получить такое же острое удовольствие... Увидеть это безумное желание в глазах жены, которое так и не появлялось. Изменения произошли и в Кристине. Больше не стало слез, обид на мужа, который, как и прежде совсем не видел в ней женщину. Она по-прежнему была безумно благодарна за дочку и безмерно уважала как человека, но теперь их отношения напоминали скорее отношения отца и дочери. И это устраивало их обоих.

Однажды под новый год по какой то нелепой случайности, которой они оба так тщательно избегали, их дежурства совпали. Весь вечер они тщательно избегали оставаться вдвоем в ординаторской. Тем более привезли девочку, на первый взгляд с обычным обмороком от переутомления и поднявшаяся суета на некоторое время отвлекла и от мыслей и от уединения. Она даже сумела вывести его из себя, требуя, что бы он внимательнее проводил обследование. Он был не хуже ее, и его бесило, что она указывает как и что делать. Кристина не любила спорить и сдалась первой. Тем более что была уверена в Борисе как в первоклассном докторе и надеялась, что предновогодняя суета не отвлечет от первоочередного призвания лечить и помогать.

Закончив очередную операцию, уже во втором часу ночи, Кристина все же вернулась в ординаторскую, ноги гудели от напряжения. Борис сидел за столом, просматривая карты пациентов, и не сразу заметил Кристину. А она невольно замерла. У нее всегда при виде Бориса что замирало внутри а в животе приятным комочком словно сворачивался маленький котенок и становилось так тепло... Несколько мгновений она смотрела на опущенные ресницы, чуть растрепаную челку, на то как он закусывает губу где-то далеко в отделении что-то еле слышно брякнуло и она с долей сожаления все же смяла распускающийся внутри комочек тепла и удовольствия. Она не хотела и не могла позволить себе влюбиться. Слишком поздно... Прислушавшись и убедившись, что скорая не везет очередного пациента все же открыла подаренную пациентом бутылку. Кофе с коньяком приятным теплом разлилось по телу. Борису нестерпимо хотелось поговорить с Кристиной, неважно о чем, просто поговорить, как тогда, как с лучшим другом. Лучшим и самым близким. Между ними словно появилась невидимая связь, которая не разрывалась ни смотря на то, что они считали все конченным. Борис все же не сдержался. Тяжело дались только первые слова. При отсутствии посторонних она не стала играть в эту нелепую игру которую они придумали сами, не стовариваясь, делая вид что их связывают исключительно рабочие отношения. Кристина даже себе не смогла объяснить, почему он вызывал столько доверия и тепла. Скоро они снова буквально погрузились друг в друга. Словно отчаянно стараясь продлить миг, они почти до боли сжимали друг другу пальцы, смотря в глаза, и боясь хоть на секунду прервать эту связь. А скоро, они уже как подростки прижимались к друг другу, опасаясь что кто-нибудь войдет. Борису казалось, в тот момент он порвал бы любого, кто посмел войти в ординаторскую и разрушить их хрупкую связь. Но судьба будто сжалилась и практически до самого окончания смены все отделение будто забыли об их существовании. С тех пор их отношения очень изменились и они уже не пытались бороться с собой. Теперь целью стало провести вместе каждую свободную минуту, но все так же скрывая все от семей и знакомых. Обоим, порой, было невыносимо стыдно смотреть в глаза детям, врать о том, что задержали на работе. И каждый ночами просил Бога простить и помочь все исправить. Иногда Борис даже думал избавиться от мужа Кристины, он бы смог подстроить все под обычный инфаркт, но его жена... она никогда бы не отдала сына и, тогда, надо было бы избавляться и от нее. В такие минуты он понимал, что доходит до безумия. Без сына он не смог бы. Так же как и Кристина без дочери. Месяцы безумного романа скоро перешли в годы. Они словно смирились, окружив себя паролями, явками, тайными смс и бесконечным обманом. Как же он устал от этих прятков. С сожалением посмотрев на тлеющий окурок, Борис достал еще оду сигарету и вдруг увидел спускающегося по лестнице мужа Кристины и шел он явно к нему. Он ждал этого разговора. За несколько дней до этого Борис и Кристина сильно поссорились, на глазах у всей больницы. Уже под вечер она ворвалась в его кабинет и не глядя на медсестер швырнула в него карту пациента а вслед за картой полетела газета. Борис не сразу узнал бывшую пациентку. Из когда то весело улыбающейся девочки, теперь со страниц газеты на него смотрело похудевшее практически до точки мертвенно бледное, в теплой нелепой шапочке существо с запавшими глазами.

– Почему ты не отдал ее мне?! – яростно кричала Кристина под удивленные взгляды коллег. – Я же просила! Ей можно было сделать операцию! – Борис скорее бесцельно начал листать карту, он помнил девочку смутно и совсем недавно, за чашкой горячего чая мечтал о том, как останутся ночью с Кристиной вдвоем. И ее внезапная вспышка злости из-за какой то пациентки... Он никак не мог снова собраться с мыслями... Кристина вырвала карту и довольно сильно ударила Бориса в лоб, он наконец вырвался из плена мыслей и перехватив ладони, попытался успокоиться, ласково называя кошечкой и совсем забыв про присутствующих коллег.

– Чем я ей мог помочь? Ты же прекрасно знаешь, что твой муж никогда бы не позволил сделать эту операцию бесплатно, а денег у той семьи не хватило бы... Ты же видела их.... – Кристина вспыхнула и вlepила звонкую пощечину.

– Причем тут деньги? Уж с мужем я бы смогла договориться. Сделала бы операцию, а уже потом бы разбиралась, есть у них деньги или нет! Да что ты вообще за врач?! Понимаешь, что тогда ей еще можно было помочь?! И не было бы вот этого ничего – она яростно потрясла газетой у него перед лицом – ты хоть представляешь до каких размеров выросла опухоль?! Ты...! – она хотела сказать что то еще но Борис не дал, прижав ее к себе.

– Она всего лишь пациент... Представь сколько еще таких будет, нельзя так Кристиночка за каждого переживать. – и она сдалась, разревевшись и уткнувшись ему в грудь. Они оба очнулись, когда дверь кабинета громко хлопнула и раздался громогласный голос мужа Кристины, вопрошающий что происходит. Кристина отпрянула и с ужасом глядя на улыбающихся медсестер, буквально вылетела из кабинета.

Прошло уже несколько дней, но больница до сих пор гудела и шушукалась. Борис ждал, что муж Кристины вот-вот вызовет и заставит написать по собственному желанию. И у него непременно возникнут вопросы...

Некурящий Михаил Иванович вдруг попросил у Бориса сигарету, и медленно, словно растягивая удовольствие, долго слушал о причине скандала в стенах больницы, недовольно морща лоб, он все же вынес вердикт что Борис тогда сделал все правильно, а он поговорит с женой что бы подобного больше не повторялось. Борис даже почти решился поговорить по поводу Кристины, но оглядевшись по сторонам, муж Кристины вдруг буквально вжал его в стену своим выступающим пузом и, схватив за воротник халата, потребовал даже не смотреть в сторону его жены, угрожая уничтожить его как хирурга, если разговоры по больнице не прекратятся. Борис, к своему стыду, понял что даже не может ничего ему ответить. Михаил Иванович все так же холодно спокойно отпустил его и, ухмыльнувшись, удалился. А Борис еще долго сидел на грязных ступеньках успокаиваясь и думая, что же будет дальше.

Глава II

Роман

– Ненавижу суки! – орал Роман, пока двое охранников заворачивали ему руки. Рядом визжала перепуганная до смерти девица, спешившая побыстрее одеться и будто вспомнившая о стыде. Станислав Сергеевич, сжав за спиной замком руки, делил квартиру-студию размеренными шагами, сбивая пустые бутылки и остатки вчерашнего пиршества. Не дождавшись когда девочка, наконец, соберется и сбежит он с брезгливостью подхватил остатки ее белья и, схватив за волосы, пинками вытолкнул ее в подъезд и, все-таки поддавшись гневу, схватил поднос с кокаином и со всей силы ударил им родное чадо по лицу. Сын замолчал, растирая с кровью по лицу белый порошок, и тут же, словно забыв про боль, принялся слизывать остатки с пола, не упуская возможности наорать на отца и высказать как он его ненавидит. Сейчас ему хотелось только одного – забыться. И что бы отец, наконец, оставил его в покое. Видя сына в таком состоянии, Станислав Сергеевич не понимал где и когда он так оступился. В чем провинился перед Богом, что его любимый мальчишка стал таким. Закипая от злости, с уже практически опустившимися руками, и потерянной надеждой, что-то изменить он дал знак ребятам и те оттащили его от дряни, окончательно лишившей сына мозгов. Надо было что-то делать. Эти крысы-журналисты не должны его таким видеть. Его и его сына. Им только дай повод и все пойдет под откос. Вот он, сильный богатый, всего добившийся в жизни сам, как его сын стал таким? Как такое вообще возможно? Ему то уж точно была уготовлена другая судьба. Глядя на своего сына, орущего матом и корчащегося на полу в истерике, уже кроме брезгливости и стыда ничего не чувствуя к нему, он никак не мог понять что делать. А делать что-то надо было. Где-то в портфеле зазвонил мобильник. С раздражением вывалив все содержимое на пол он, наконец, нашел телефон. Звонила жена. Он сбросил вызов, не желая слушать вопросы о сыне и ее истерические мольбы помочь ему. Ему надо было подумать... Вдруг среди вороха бумаг взгляд зацепился за визитку частной клиники. Когда то, по просьбе жены он спас ее владельца от тюремного срока, а тот в свою очередь обеспечивал жене безупречный вид. Они и не общались, по сути, напрямую никогда... но Станислав Сергеевич решил. Набрал номер, заранее предупредив о серьезности и конфиденциальности разговора он напрямую сказал что ему требуется помощь. И помочь ему и в его интересах. Вскоре все было решено. Руководитель клиники быстро договорился, не задавая лишних вопросов и обеспечив место в реабилитационном месте где-то на Урале, в закрытом реабилитационном центре, клятвенно обещая что побывавший там выйдет другим человеком. И коротко обронив, что программа лечения жесткая, но действенная. Это мало интересовало Станислава Сергеевича, он был готов на все, лишь бы сын поправился и вытравил из себя эту дрянь. Даже если там будут бить розгами... Родительское терпение тоже не вечно. Ромка приподнялся на локтях. Все-таки проникший в кровь кокаин сделал свое дело, сняв боль и подарив такую желаемую легкость. Закинув голову, купаясь в своей ненависти, он рассмеялся.

– Что папочка нашел способ избавиться от сына? Ну конечно... Ты же уже все за меня решил. Как всегда. Ни шагу влево, ни шагу вправо. Что, думаешь, починят? – в тот момент Роман ненавидел отца, он давно уже ненавидел обоих родителей. Вся жизнь они буквально по минутам расписывали его жизнь, и при этом практически не участвовали в ней, перебрасывая роли родителей на гувернанток. Они ни разу не спросили чего хочет он сам. Мечтал стать журналистом, даже пробовал писать, идти против родителей выражая протесты. Это не срабатывало, вызывая лишь злость. Тогда он решил пойти по другому пути. Они хотели что бы он общался, жил в подобию людям своего класса? Он показал их жизнь во всей красе, по макси-

муму, не разбавлено, как все они это делали, пытаюсь сохранить благопристойный вид, а сразу. Что б отчетливее поняли, какую жизнь они для него готовят. Как же это все надоело... У него было все... В свои двадцать четыре он уже видел практически все. Девушки? Пожалуйста! Какую захочет. У каждой была цена. С разницей лишь в потраченной сумме и времени. Оказалось он уже пережил все что хотел, был где хотел, видел что хотел да и чувствовал тоже. Англия, после какой-то нелепой случайности на миг освежила жизнь. Да и этот период, который был ударом для родителей, тоже принес не мало острых ощущений... Новые впечатления, полученные в тюрьме, куда случайно попал, желание убить его какого-то вояки, его эмоции, такие настоящие по сравнению с теми, что он привык видеть от окружающих... Вот тогда он чувствовал себя живым. Он даже понял почему иногда богатые играют в реалити игры, переодеваясь в бомжей и на скорость прося милостыню. Это было словно в удушающую жару попасть под освежающий водопад. После был Лондон... Дождливый, туманный и такой свободный. Словно заново почувствовав себя живым и, ощутив в последние дни пребывания в России, он будто заново увидел родителей. И все же пошел им навстречу. Короткий период заключения принес мощнейшую волну вдохновения, а новые люди с иным менталитетом, новые эмоции вполне разбавляли скуку от получения знаний по экономике. Однако, ему не удалось спрятаться от своего окружения и в Лондоне. И он снова оказался в тусовке таких же богатых детей российских олигархов. Там же он и познакомился с кокаином. Тогда, после первой дозы, ему казалось будто кто-то перевернул мир с ног на голову, и он смог ощутить новую грань удовольствия. Дикого, острого и такого неповторимого. И слезти он уже не смог. Благо, нехватки средств на дозу у него не было. По возвращении в Россию он был спокоен. Впереди ждала карьера и большая фирма отца. Тот поначалу не догадывался что за внешним спокойствием сына скрывается вовсе не полученное образование и жизненный опыт... Нет, к тому времени ему стало всеравно что будет дальше. Теперь у него была гарантированная доза удовольствия, ставшая тяжелее, теперь кокаин сменил героин, который компенсировал все удовольствие. Каждая вторая девица с фирмы, из города мечтала выйти за него замуж, море друзей, и пусть что большинство были только из-за возможности перепадания им чего-нибудь. Пусть. Всеравно. Ему даже нравилось наблюдать, как в гонке за его расположение они грызли друг другу глотки. Но нет. Отец вмешался и тут. Он по-прежнему пытался сделать вид, что еще не сгнил. И, конечно же, сын должен был ему соответствовать. Теперь Роману уже не было нужно их внимания. Он просто хотел, что б его оставили в покое и позволили получать свое маленькое удовольствие, вдыхая его ноздрями или прогоняя по венам и играть в его любимые куклы – людей.

Новость о каком то реабилитационном центре не вызвала особой тревоги. Он знал что, не смотря на всего шалости, не отец да-к мать пойдет на уступки и греться на сибирском солнышке ему придется не долго. Да и в конце концов, не в лес же он дикий едет и там найдет свое маленькое удовольствие и желающих на нем заработать.

Как же он ошибался... Джип уже почти три часа трясло на старой разбитой проселочной дороге среди вековых елей и сосен. Голова разрывалась от боли и дикой ломки. Казалось кости вот-вот прорвут кожу, а глаза лопнут от напряжения. Охранники, поначалу останавливавшие машину, когда он начинал блевать, уже не сбавляли скорость и содержимое желудка, превратившееся уже в желчь, лилось в обычную майку-пакет. Папашка строго настроено наказал следить за сыном и не жалеть и охранники, получившие полномочия, теперь вволю отрывались на избалованном мальчишке. Не жалея сил на подзатыльники и отпущение матерных комментариев. Вскоре впереди стала видна какая то деревня... Вернее так показалось. На самом же деле это больше напоминало средневековую усадьбу с колючей проволокой над оградой из заостренных деревянных столбов. И ворота открыли не менее могучие парни с богатырским телосложением. Передав Романа с рук на руки, охранники прыгнули в машину и исчезли из вида.

Да, отношение к пациентам в этом элитном оздоровительном «санатории» оказалось совсем не таким, к какому привык Роман. Пациентов оказалось немного и на золотых мальчиков они совсем не были похожи. Скорее на колхозников, вернувшихся с поля. Лишь несколько, по-видимому таких же новичков, еще сохранили следы солярия и маникюра. Когда скрючившись от новой порции ломки, он заблевал пол сопровождая это утробными криками, вместо помощи от принимающих его, лишь отдаленно напоминающих врачей, последовал внезапный удар и Роман оказался на полу, а следом в лицо полетела грязная вонючая тряпка, с требованием убрать за собой. В этот раз ему не помогли ни его статус, ни угрозы... Они даже не купились на золотые горы, которые он им сулил хотя бы за грамм. Когда он в новой вспышке гнева откинул тряпку двое здоровенных детин отправили его в глубокий нокаут.

Первые дни он провел привязанным за руки и за ноги к деревянной скамье, а весь персонал оказался не хуже папиных охранников. Никогда еще Роман не чувствовал себя так плохо. Кости выворачивало так, что темнело в глазах, он выл, кричал, пытался вырваться из ремней, но руки прикрутили намертво. Иглы капельниц казалось, прожигали руки и он бился в новом приступе ярости отчаяния и боли. Но никто не приходил. Его не отвязывали даже сходить в туалет. Медперсонал появлялся лишь сменить капельницу. Раз в сутки они ставили укол. Один. Боль ненадолго отступала и, со слезами облегчения, он часами смотрел то на глазок камеры, то на потолок, который к концу третьего дня он тоже начал ненавидеть. Он передумал множество вариантов побега, уже давно его мозг не работал так лихорадочно, но стоило вернуться боли, дикому желанию вдохнуть кокс и забыться, как он снова превращался в полугнилой овощ. На четвертый день, когда Роман, наконец, только-только смог заснуть пришла целая группа: пара медиков и несколько крупных парней. Они отстегнули ремни, оставившие на руках фиолетовые вмятины, и поставили перед ним чашку с чем-то отдаленно напоминающим кашу, а в углу ведро с водой и тряпкой. С трудом подавив амбиции и злость Роман попросил позвонить его отцу, на что получил в ответ лишь недобрую ухмылку и приказ жрать. Ему все больше казалось, что это какая-то злая нелепая шутка, иногда даже казалось что это все не по-настоящему. Скоро он проснется и все закончится. Никто не смел так поступать с сыном самого Орлова. Никто. И схватив чашку он швырнул ее в стену. Аппетит за прошедшие дни успел вернуться, но есть это он не собирался. И удушающий запах его собственных испражнений, пропитавших скамью, его самого напрочь отбивал желание есть. К концу дня крепкие ребята вернулись, заставляя отмыть скамью, а заодно и самого себя. После нескольких ударов дубинками он сдался, поверив в реальность происходящего и, в ярости сжав зубы, все же принялся оттирать скамью, с трудом сдерживая позывы к рвоте. Он же оттирал и кашу со стены. Он даже попытался просить разрешить душ, но вместо этого его только облили из ведра ледяной водой. На пятый день он все-таки сдался и съел содержимое чашки, которое вдруг показалось таким вкусным.

Когда он окончательно перестал сопротивляться и чего-то требовать его, наконец, выпустили из одиночки, предварительно заставив вычистить свою так называемую палату. Очень быстро объяснили и правила: что бы чего-то добиться или получить, он должен был это сделать сам. Стыд исчез быстро. Он такой здесь оказался не один. За месяц пребывания в ГУЛАГе, как это называли остальные, такие же богатые мальчики, подсевшие на наркоту, Роман научился чистить снег, топить баню. Теперь он занимался вещами, которые даже представить себе не мог. Что бы не вонять ему приходилось стирать, что бы есть – готовить. И поблажек не делалось никому. Тех, кто пытался бежать наказывали, привязывая к столбу и избивая розгами. С каждым днем Роман все больше ненавидел отца и не понимал, как он мог так поступить с ним. И каждый день, валясь с ног от усталости, Роман мечтал вернуться к старой жизни, к друзьям. Каждый день, когда все собирались на ужин в одной большой столовой, к ним приходил пожилой доктор и каждый раз читал нотации. С ним же ежедневно проводились беседы один на один. Доктор пытался копаться в мозгах, вызвать угрызения совести, хотя Роман так

и не смог понять почему он не мог сам распоряжаться своей жизнью. Доктор не разделил его восторга, когда он рассказывал о том, как жил и откровенно скучал, а после того как рассказал о сбивой женщине с ребенком и ее муже, принесшим ему массу восторга, доктор оттянул галстук и сцепив замком руки долго молчал, а потом вдруг достал из допотопного сейфа фитюльку кокса и положил перед ним. Порошок и предчувствие острого удовольствия вмиг затмили весь приобретенный здесь опыт и, схватив кулек, он прямо зубами начал рвать пленку. Это оказался не кокс, а обычная мука, а Романа весь оставшийся вечер лупили розгами. Подобный урок повторялся еще не раз, и опыт острого удовольствия снова и снова затмевал все. Иногда они хитрили, и ложный наркотик или бутылка водки поставлялись через охранника. Так он лишился и креста. Лишь к концу третьего месяца, когда сошел снег и тайга укрылась зеленым покровом, Ромка смирился с новой реальностью. И с тем, что наркоты больше не будет. Страх перед новой порцией наказания розгами оказался сильнее и уже не было того острого желания. Их заменили другие. Роман не мог поверить себе, но теперь удовольствие доставляли совсем другие вещи. Не было ничего лучше после длинного дня рубки леса или вскопки поля вволю напариться в бане, а потом с головой занырнуть в ледяное озеро. Он, наконец, понял какое удовольствие доставляет работа, сделанная собственными руками, работа которая приносит результат. Он даже начал строить планы на жизнь после... И, лишь наблюдая за вновь прибывшими, золотыми мальчиками он понял каким щенком выглядел в глазах отца. Теперь ему хотелось забыть все, что было до реабилитационного центра и начать жизнь с чистого листа.

Исправление проходили не все, но Роман справился. В конце июня произошел отбор, после которого отмечалось их выздоровление. Словно разом забыв о том, как их били охрана изменила отношение. Теперь они снова относились к ним как своим хозяевам. Стол ломился от явществ, тех, что для Ромки когда то были привычными, а теперь поражали воображение запахами и вкусами. Он долго рассматривал бокал с элитным французским Шато Лафит, вдыхал аромат забродивших фруктов и думал что это просто очередная проверка. Так думали все. Но даже тех, кто все-таки не отказался от элитного вина больше никто не тронул. А во время речи пожилого доктора им были возвращены их личные вещи, даже его крестик, обмененный на бутылку водки, который он думал больше не увидит. Им даже дали позвонить родителям. У Ромки не возникло и мысли высказать отцу накопившиеся обиды. После долго взаимного молчания он смог сказать ему лишь одно: «Спасибо». На этом курс не был окончен. Впереди ждало последнее испытание – поход в горы.

Вероника

Вера Петровна сидела на пустой кухне, обхватив ладонями кружку с остывшим и так и не тронутым чаем и невидящим взглядом смотрела в окно. Ее мало интересовало, что там происходит. Вероничка давно уснула, хорошо, что лекарства еще действуют... Она поняла все с полуслова. Вера лишь попыталась объяснить, спутано подбирая слова, желая объяснить почему больше не будет лечения, как вдруг Ника подняла глаза и спокойно спросила: «Все?» И все так же, немея от ужаса, не веря, Вера кивнула.

Впервые за все время болезни в их квартире было так тихо. И у Веры, и у Вероники мысли роились безумным вихрем, погружая их в небытие. Видя как под вечер Вероничка побледнела, Вера на автомате дала обезболивающее и Ника уснула. А она не смогла. Часть Веры все же смирилась и требовала просто жить и готовиться, вернуть деньги, их ведь наверно потребуют вернуть и копить на похороны. Другая половина билась в истерике, внушая ужасность самой мысли. Уже под утро она приняла для себя непростое решение.

Вера долго сидела в комнате Вероники, смотря то на дочь, то на огромный плакат над кроватью, наверное, единственное оставшееся от их счастливой и безмятежной жизни. Первое и последнее увлечение Вероники – горы. А точнее Гора идолов. Вероника называла их именно так. Четыре грандиозных каменных изваяния на вершине. Вероника бредила почему то именно этим местом, Мансийскими болванами. Вера никак не могла принять, что у ее ребенка нет будущего, что все ее мечты так и останутся мечтами. Что она не успеет увидеть мир, не успеет выйти замуж, родить ребенка... И страшно было представить что творилось в голове у Ники, что она с таким спокойствием приняла приговор врачей. Вера до сих пор слышала слова врача: «Максимум три месяца... В хосписе смогут помочь облегчить боль»... Вера слышала их даже до боли зажав уши ладонями. Уже под утро у Ники случился очередной приступ. Сначала Ника лишь медленно поджала под себя ножки и обхватила себя руками, словно замерла, а вслед за этим начались судороги. Вероника резко выгнулась дугой и захрипела. Вере с трудом удалось сделать укол, но Ника еще долго всхлипывала от боли и, прижимаясь к Вере, просила никуда ее не отдавать и не бросать.

Ника снова уснула, а Вера все же приняла для себя непростое решение. Дождавшись утра она вызвала сиделку и бросилась в больницу, а там долго спорила с онкологом:

– Да вы хоть понимаете что вы задумали? – кричал врач – Ну допустим, вы доберетесь туда, но вы же знаете что она не переживет похода... Без лекарств, без капельниц, она может умереть в любой момент! И вообще, вы что ее на себе нести собрались?

– Надо будет – понесу! – прервала его Вера. – Я все решила. Она мечтала об этом. И пусть лучше так, чем в больнице и вам ответственности меньше. Не нужны мне ваши упреки. Помогите лишь в одном, подобрать необходимое, что бы смогла... Хотя бы в одну сторону...

Вскоре Вера Петровна уже спешила прочь со списком лекарств в другое место.

В турагентстве поначалу отнеслись неприветливо. Девушка менеджер криво усмехнувшись, сообщила, что у них вряд ли найдется для нее тур. Поначалу Вера не могла понять что в ней не так, но повернувшись и собравшись уйти, вдруг увидела себя в зеркале. В тот момент она скорее была похожа на нищенку. Ей было всеравно, повернувшись она достала из сумки пачку пожертвованных кем то денег и, положив ее перед девушкой, пообещала дать еще столько же если она поможет ей. У девушки на миг удивленно взлетели брови, но в следующую секунду она уже широко улыбалась. Вера сбивчиво, но все же попыталась объяснить куда и как им с Вероничкой надо было добраться, и чем скорее тем лучше. Объяснила и причину спешки. И те особые условия, которые им необходимы, что бы у Ники исполнилась хотя бы одна мечта. Больше всего Вера боялась что девушка откажет, слишком много было требований, но опустив голову и покрутив на пальце золотое кольцо, она сделала пару звонков, уточ-

няя некоторые детали тура и наконец дала Вере положительный ответ, оговорившись лишь что стоить он будет больших денег. Благотворительной помощи хватило с лихвой, на оставшееся они бы смогли жить еще полгода... Только у них не было столько времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.